

УДК 94(47).05:061:062:063

Бородина Елена Васильевна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института истории и археологии УрО РАН,
доцент кафедры истории России
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
sosnovi-bor@yandex.ru

**Судебная канцелярия
как пространство взаимодействия социальных групп
Западной Сибири и Урала в 1720–1730-е гг.***

Аннотация: Статья посвящена проблеме изучения судебной активности иноверческого населения Урала и Западной Сибири, степени его участия в судебных процессах, проходивших в территориальных административно-судебных органах Российской империи. Автор обращает внимание на то, что историография этого вопроса до сих пор имеет значительные пробелы, в частности, исследователи практически не обращаются к изучению политики имперских властей в отношении иноверческого населения страны в годы правления Петра Великого. В основу статьи были положены делопроизводственные материалы, отложившиеся в результате судебной практики административных и судебных органов власти в 1720-е – 1730-е гг.

Проанализировав количественные показатели и данные судебно-следственной документации, автор приходит к выводу о том, что нерусское население региона с разной степенью активности участвовало в судебных процессах. Наибольший процент истцов и ответчиков составляли татары, которые подавали жалобы не только на русское население урало-сибирского региона, но также часто стремились разрешить в суде конфликты с ответчиками той же народности. В судебно-следственных документах неоднократно зафиксированы разбирательства конфликтов татар с представителями других инородческих групп. Вотяки, черемисы, мещеряки, башкиры и др. были более редкими участниками судебных разбирательств. Они чаще всего выступали в качестве коллективных истцов, иногда – даже ответчиков. Во многих процессах они также проходят и как индивидуальные ответчики. Статистика обращений в суд показывает, что иноверческое население пользовалось коронными органами суда гораздо реже, чем русские. Это обстоятельство было обусловлено значительной ролью родовых структур и органов общинного

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ по проекту «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII – начала XX вв.» № 14-18-01873.

самоуправления, вовлеченных в решение многих мелких конфликтов. Во многих судебных конфликтах иноверцы оказываются ответчиками. В целом стратегия и тактика поведения в суде истцов и ответчиков иноверческого происхождения практически не отличалась от тех, что использовались русскими.

Ключевые слова: Российская империя, реформы Петра Великого, Урал, Западная Сибирь, этносословная группа, судебная система, судебная активность, административная колонизация, судебная канцелярия, воеводская канцелярия, иноземцы, иноверцы.

На сегодняшний день в историографии утвердилось мнение, что административно-судебные реформы Петра Великого стали важным этапом в процессе создания единой системы государственного управления на территории всей страны. Введение унифицированной и рациональной системы администрирования, построенной на европейских принципах, стало одной из задач правительства рубежа XVII–XVIII вв. Одной из особенностей этой системы становится продолжение взятого еще в XVII столетии курса властей на постепенное включение всех (как «русских», так и «нерусских») элементов общества в сферу деятельности органов публичной власти.

Государственные преобразования первой четверти XVIII в. обращают на себя внимание исследователей не случайно. В отличие от предыдущих правительств царской России, Петр попытался сформировать и относительно отдельную от органов государственной власти систему судов.

В ходе длительных судебно-административных трансформаций конца XVII в. – первой половины 1710-х гг., когда власти пытались найти наиболее адекватные способы решения текущих вопросов, вызванных в первую очередь условиями военного времени, начинают проступать новые тенденции к созданию судов общей юрисдикции с едиными для всех условиями осуществления правосудия. Сформировавшаяся в течение 1720-х гг. судебная система позволяла представителю любой социальной группы (правда, с некоторыми исключениями) пожаловаться на лицо той же или иной социальной группы в одном и том же органе правосудия. Таким образом, в России впервые сложились предпосылки для создания единых судов для всех категорий населения. Правда, воплощение в жизнь этого принципа требовала длительного времени, которого, как оказалось уже в конце 1720-х – начале 1730-х гг., у петровской судебной системы не было.

Проблема реализации судебных полномочий власти в среде «иноверческого»¹ населения России XVII–XVIII вв. уже давно волнует

¹ Для обозначения нерусских народов, проживавших на территории Российской империи XVIII в., мы будем придерживаться практики применения таких терминов, как «иноземцы» и «иноверцы», которые являются общепризнанными и активно используются относительно истории Сибири XVII столетия в работах таких исследователей, как А. С. Зуев, П. С. Игнаткин, А. Ю. Конев и др. [7, с. 7; 8; 9] и находят применение в источниках

историков. В той или иной степени ею занимались такие исследователи, как С. В. Бахрушин [1, 2], А. Ю. Конев [3], Л. М. Дамешек [4], В. А. Воропанов [5], А. Н. Сабанцев [6] и другие. В частности, С. В. Бахрушиным разрабатывалась проблема определения полномочий воевод, направлявшихся в Сибирь в XVII в., а также был поднят вопрос о статусе и образе жизни сибирских служилых татар. А. Ю. Конев и Л. М. Дамешек сферой своих научных интересов избрали вопросы организации управления колонизируемой территории, сделав основной акцент на освещении проблемы выстраивания отношений между властью и аборигенным населением, что, таким образом, позволило осветить им наиболее важные локальные нормативные акты об администрировании и суде в «иноземной» среде. В. А. Воропанов и А. Н. Сабанцев занимаются изучением судебной власти как политического инструмента в годы реформ Екатерины II, который имел целью создать новую, регулярно организованную социальную реальность.

Как можно заметить, наиболее изученным этот вопрос оказался исследователями урало-сибирского региона. В первую очередь большинство из перечисленных авторов интересовали общие вопросы организации управления колонизируемой территорией, где судебная проблематика была лишь одной из иллюстраций процесса утверждения властей как на новых, так и на только осваиваемых территориях. Во-вторых, обращалось значительное внимание на нормативно-правовые акты, определявшие взаимоотношения между властью и аборигенным населением страны. Лишь В. А. Воропанов и А. Н. Сабанцев обратили свой взгляд на судебную власть как один из ключевых инструментов самоорганизации общества того времени, способ государства повлиять на стабильность ключевых социальных структур.

В поле нашего внимания также попали государственные учреждения урало-сибирского региона 1720–1730-х гг. Это судебные канцелярии, созданные в годы правления Петра Великого, и вернувшие себе после ликвидации судов весь объем властных полномочий воеводские канцелярии. Нашей задачей являлось не столько проследить, каким образом происходило функционирование этих органов власти, сколько выявить ключевые формы взаимодействия через них различных социальных групп определить стратегии их поведения в органах правосудия. В данной статье основное внимание будет сосредоточено на характеристике участия в судебном процессе нерусского населения, проживавшего на территории Российской империи, объединенного в так называемые этносословные группы.

XVIII столетия (см., например: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 40. Л. 368–368 об. Доношение схимонаха Федора Петру Великому о крещении коренного населения Сибири). Кроме того, нами также будет использоваться термин «этносословная группа», так как большинство нерусского населения было включено в ту или иную сословную общность, среди которых можно назвать этносословные группы служилых татар, ясачных татар, оброчных татар, бухарцев, ясачных.

Деятельность судебной канцелярии или судного поветья воеводской канцелярии представляется нам интересной по ряду причин. Во-первых, функционирование судебно-административных органов дает возможность проанализировать степень включенности в жизнь государства, активно осваивающего в ходе колонизации новые земли, многообразных социальных групп. Во-вторых, судебная проблематика позволяет проследить, каким образом происходило взаимодействие коренных и пришлых социальных общностей, русского и нерусского населения территории.

Безусловно, пространство судебной канцелярии – пространство, где происходит столкновение частных/общественных интересов, – не являлось единственным местом для решения вопроса конфликтующими сторонами. Споры возникали на базаре, в доме винного откупщика, на дороге, в поле и многих других местах, где могли быть сразу же разрешены, не выходя как за пределы места их возникновения, так и из круга местного сообщества. По нашему предположению, судебная канцелярия часто избиралась в качестве поля для конфронтации в безнадежных или крайне тяжелых случаях, когда у сторон не оставалось других способов воздействия на сложившуюся ситуацию.

Территориальными границами исследования стали Кунгурский, Тюменский, Уктусский, Каменский, Алапаевский и Шадринский уезды¹ в административных границах, приданных им в годы проведения второй областной реформы Петра Великого (1719–1725 гг.). Выбор данных уездов был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, имеющаяся у автора статьи источниковая база позволяет наиболее полно судить о том, как происходило осуществление правосудия на данной территории. Во-вторых, рассматриваемые дистрикты и уезды представляют собой разные с географической и демографической точек зрения зоны. Они позволяют говорить о жизни населения в таких районах, как Предуралье, Средний Урал и Зауралье.

В ходе анализа нами были использованы делопроизводственные документы судебно-административных учреждений, отложившиеся в центральных и региональных архивах страны². В первую очередь было произведено изучение судебно-следственной документации, ведение которой сопровождало практически весь процесс осуществления правосудия. Она оказалась представлена различными видами источников: челобитными, допросами, копиями духовных, договоров, векселей и других заверенных в крепостной конторе документов, выписками из законодательных актов – базовых нормативных правовых актов для вынесения приговора по делу, приговоров за рукой судьи или воеводы. Во-вторых, важными для данной

¹ В ходе административных преобразований конца 1710-х – начала 1720-х гг. некоторые из них получили название дистриктов.

² Российский государственный архив древних актов, Государственные архивы Тюменской области и Свердловской области, Городской архив г. Шадринска.

работы документами стали как внутренняя документация, представленная в виде регистров и реестров рассмотренных в течение определенного периода времени дел (как правило, за год), так и материалы исторических описей, составленных ревизионно-учетными органами в конце XVIII в. для передачи документальных массивов уже не существовавших к тому времени органов власти в архив. К сожалению, вторая, наиболее интересная с точки зрения статистических расчетов, группа источников представлена незначительно. Нами были выявлены лишь один реестр вершенных дел судебного комиссара Каменского дистрикта Г. Черкасова, «записная книга челобитных» за 1726 г. Тюменского судебного комиссара Ф. Фефилова и крупная историческая опись материалов Кунгурских административно-судебных структур за 1720-е гг.¹

Созданные по результатам деятельности органов суда реестры и регистры представляют собой списки, в ряде случаев выполненные в табличной форме, где указываются порядковый номер дела, дата его поступления в судебную канцелярию, содержание и, что далеко не всегда, вынесенный судьей приговор. Реестр дел, разобранных за 1722 – начало 1723 г. Каменским судьей Г. Черкасовым выглядит как обычный список с перечислением дел по порядку их поступления в судебную канцелярию с указанием даты в начале описания каждого дела. Данные «Записной книги челобитных» Ф. Фефилова оформлены в виде таблицы, в трех колонках которой были записаны дата поступления дела, содержание челобитной с указанием помет судебного комиссара и других сопутствующих документов и номер челобитья. Работу с данным источником осложняют особенности формирования архивной единицы хранения Государственного архива Тюменской области: листы в деле сгруппированы не по порядку очередности, а произвольным путем. Таким образом, в ходе чтения возникают затруднения с определением реальной нумерации листов записной книги. Опись Кунгурских административно-судебных учреждений представляет собой профессионально выполненный список-перечень единиц хранения, сохранившихся в результате работы региональных органов власти. Несмотря на то, что опись датируется концом XVIII в., она до сих пор является рабочим инструментом исследователя, сообщая сведения о находящихся на хранении в Российском государственном архиве древних актов делах. В отличие от предыдущих случаев, опись дает возможность извлечь информацию только о содержании рассмотренного судом казуса, ничего не сообщая о результатах слушания. Правда, в ряде случаев об исходе судебной тяжбы позволяют говорить указания на количество листов в единице хранения: малое количество листов в деле – от 2 до 4 – чаще всего говорит о незавершенности судебного процесса либо об окончании дела мировой челобитной. Таким образом, несмотря на малочисленность, охарактеризованная группа

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 41-44 об. (источник также опубликован в монографии Е. В. Бородиной, см.: 8, с. 295–299); ГАТюмО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 16. Л. 9–30 об.; РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1.

источников позволяет получить, хоть и отрывочные, сведения о динамике судебной деятельности органов власти в течение года, а используемые источники в целом дают возможность разобраться с особенностями интеракции в судебной канцелярии/судном почете на протяжении рассматриваемого периода.

Попытки разработки данной проблематики предпринимались нами ранее [10; 11, с. 242–246]. Так, нами был произведен сравнительный анализ судебной активности различных социальных групп в Кунгурском уезде и Каменском дистрикте в течение 1722 г., количественные результаты которого можно увидеть в таблице 1. Как можно заметить, в Каменском дистрикте, например, татары в качестве истцов выступают в 4 случаях из 67 (6 %), как ответчики – 6 раз (9 %). В Кунгурском уезде данные показатели чуть меньше – 3 (7,2 %) и 2 (4,2 %) случая из 42 соответственно. В некоторых случаях «иноверцы» проходят по искам совместно с крестьянами, в основном в качестве ответчиков (3 случая из 42 (7,2%) по Кунгурскому уезду. По данным 2010-2012 гг. нами было выявлено 44 случая участия в судебных процессах «иноземного» населения (1720-е гг.; Каменский, Тюменский, Кунгурский и Шадринский уезды). Среди них 7 случаев, связанных со взысканием долгов, 3 казуса – с убийством, 12 – с кражей лошадей и иными столкновениями из-за них, 9 – с обыкновенными кражами или грабежами (2 из 9). 4 раза описываются случаи так называемых «боя и брани», среди которых – ссора с приказчиком, оскорбление и избиение крестьянских жены и дочери, драка с «увечьем» солдата. Кроме того, один раз судебнo-следственная документация упоминает о закупке крестьянами соли в «башкирских жилищах» [10, с. 243].

Наряду с уже полученными данными мы попытались использовать новые материалы, дополнив уже имеющиеся показатели подсчетами судебной активности «иноземного» населения, выявляющимися на основе «записной книги челобитных» Тюменской судебной канцелярии за 1726 г.

Анализ показал, что процент нерусского населения среди истцов и ответчиков по регистру, реестру и описи был приблизительно почти одинаков и незначителен: около четырех – семи процентов в год по каждой из представленных административно-территориальных единиц. Как можно увидеть по таблицам, процент участия в судебных процессах русского населения уездов и дистриктов был подавляющим. Изучение содержания дел, описываемых в регистре, реестре и описи свидетельствует, что обращения в суд «иноверческого» населения урало-сибирского региона были связаны в первую очередь с жалобами на представителей других социальных групп: в первую очередь – на русское население территории. В тех казусах, где «иноземцы» выступают в качестве ответчиков, в качестве соучастников или пострадавших также обычно оказываются задействованы социальные элементы русского происхождения. В частности, «Записная книга

челобитных» Тюменского дистрикта упоминает вовлеченность новокрещенных татар в убийство ямщика Тимофея Фаркина¹.

Таблица 1

Этническая принадлежность истцов и ответчиков урало-сибирских дистриктов в 1720-е гг., %

Этническая группа	Кунгурский уезд (1722 г.)		Каменский дистрикт (1722 г.)		Тюменский уезд (1726 г.)	
	истцы	ответчики	истцы	ответчики	истцы	ответчики
русские	73,6	90,6	86,5	74,6	92,8	83,3
«иноземцы»	7,2	4,7	6	9	3,6	6,7
неизвестна	19,2	4,7	7,5	16,4	3,6	10
Итого	100	100	100	100	100	100

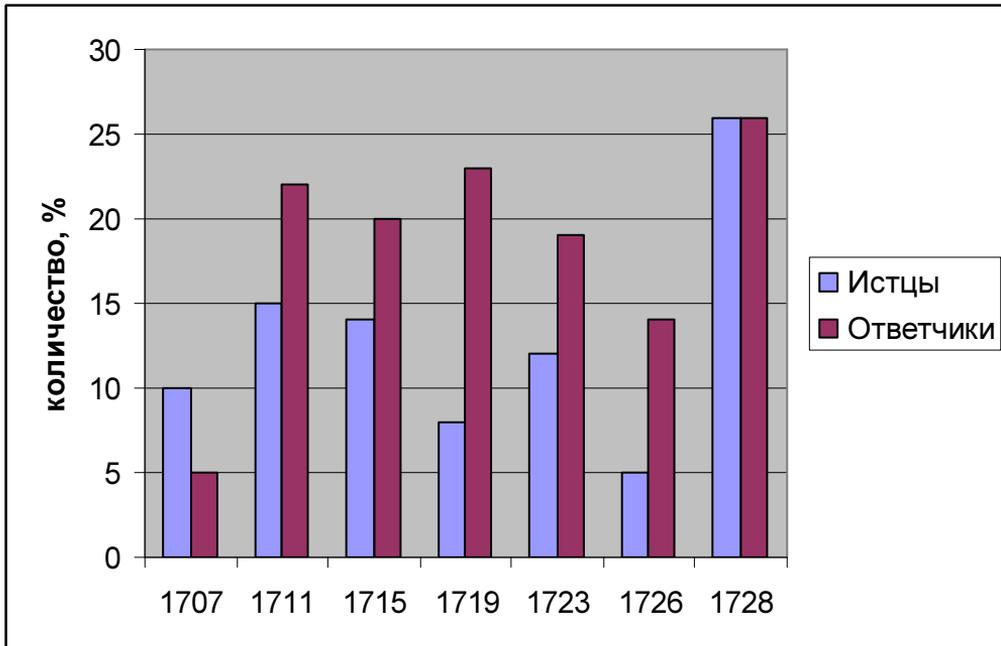
Таблица составлена по: РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 41-44об.; ГАТюмО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 16. Л. 9-30об.

К сожалению, недостаточность источниковой базы не дает возможности выявить динамику обращений в суд по всем исследуемым уездам/дистриктам. Это позволяет сделать только источниковая база, отложившаяся в результате деятельности Кунгурских административных и судебных учреждений (опись фонда 1015 и судебно-следственные документы, собранные в одном из дел фонда 518 «Кунгурская воеводская канцелярия» за 1728 г.). Рис. 1 представляет данные, характеризующие активность обращений иноверческого элемента в органы суда на различных этапах проведения административно-территориальных реформ первой трети XVIII столетия. Ввиду сложности обработки материалов описи, нами было принято решение взять в качестве иллюстрации данные лишь за некоторые годы, выборка была обусловлена степенью сохранности текста источника, который не во всех случаях поддается адекватному прочтению из-за выцветания чернил и неудовлетворительного качества бумаги. Несмотря на то, что на диаграмме представлены цифровые данные не за все годы, она является показательной и позволяет увидеть постоянную тенденцию в использовании «иноземным» населением судебно-административных органов власти Кунгура. «Иноверцы» выступали чаще в лице ответчиков, чем истцов. Принимая во внимание особенности социально-этнической структуры исследуемых территорий, можно предположить, что такая же тенденция была характерна и для других уездов и дистриктов Урала и Западной Сибири.

¹ ГАТюмО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 16. Л. 21–21 об.

Рис. 1

Участие нерусского населения Кунгурского уезда в судебных процессах (1707–1728 гг.)

Составлено по: РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–24.

В целом, изучение состава судебно-следственных документов приводит нас к выводу о различной степени участия в судебных процессах различных иноземных групп. Для достижения своих частных и общественных целей наиболее активно использовали органы суда татары, что подтверждает тезис М. Н. Ядринцева о том, что, живя среди русских, татары усвоили не только «их обстановку, но и обычаи» [12, с. 22]. Правда, и здесь роль татарского элемента была обусловлена их степенью заселения и укорененности на той или иной территории. В частности, в Каменском дистрикте татары в основном представляли пришлый элемент. В связи с этим они очень часто обращались к коронной администрации с целью решения конфликтных ситуаций с местными жителями. Кроме того, сами местные жители также не теряли возможности воспользоваться случаем пожаловаться на татарина-обидчика, укравшего лошадь или вступившего в драку или иной любой вид конфронтации. В Кунгурском уезде, где доля оседлого татарского населения была выше, а вся территория его проживания была поделена на четверти [13, с. 198], татары и другие инородцы часто обращались в судебную канцелярию с жалобами и на «русских», и друг на друга. Причем челобитья

касались не только вопросов грабежа, конокрадства, драк и прочих межличностных конфликтов, но и имущественных споров. В первую очередь – это земельные споры между общинами или отдельными землевладельцами, долговые обязательства¹.

Большое количество юртов с оседлым населением тюркской языковой группы было характерно и для Тоболо-Иртышского междуречья [14, с. 28–49; 15, с. 188–200]. В отличие от своих западных соседей, случаи обращения татар этого региона к услугам судебных властей были более редкими. В целом тематика конфликтов и других просьб, разбиравшихся в Тюменской судебной или воеводской канцелярии 1720-х – 1730-х гг. была сходна с вопросами, волновавшими татар и других «иноземцев» Кунгурского уезда: воровство, грабежи, побои, словесные перепалки и т.д.² Эти казусы также периодически касались наиболее важных вопросов урегулирования отношений между местным тюркоязычным населением и сравнительно недавно пришлым русским элементом относительно определения сроков и условий аренды у татарских общин лесов и иных природных угодий [14, с. 30]. Кроме того, в органы суда подчас попадали и бухарцы по вопросу разрешения долговых споров³.

Наряду с татарами в судебно-следственной документации встречаются упоминания о башкирах, вотяках, мешчеряках, черемисах. Подача жалобы в судебное присутствие для этносословных групп происходила по тем же правилам, что и для других социальных общностей. Она могла быть представлена в виде устного извета или путем фиксации жалобы в письменной форме в челобитной⁴. Обращает на себя внимание, что, будучи приверженцами иной религиозной конфессии, татары, например, приносили присягу на Коране, а вместо верительной подписи использовали тамгу, требующую подтверждения со стороны лица, умеющего читать и писать⁵.

Так как татары были хорошо включены в товарно-денежные и иные имущественные отношения, при заключении сделок они использовали уже принятые в государстве процедуры: письменную фиксацию сделок и других долговых обязательств на бумаге, которую впоследствии можно было представить в суд. В отличие от других дистриктов, эта тенденция отчетливо просматривается при анализе судебной документации, которая велась в течение 1720-х – 1730-х гг. в судебной и воеводской канцеляриях Кунгурского уезда. Все сделки (даже брачные соглашения) заключались здесь в присутствии свидетелей. Татары активно добиваются «правды» через

¹ РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 286–286 об.; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 295–296 об.; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 341–342.

² См., например, ГАТюмО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 69. Л. 1 об., 3,

³ ГАТюмО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3323. Л. 40 об.

⁴ ГАТюмО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 69. Л. 1 об. и др.

⁵ См., например, РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 220 об., 226 об. и др.

судебную администрацию, не исключая при этом и обращения за помощью к общинным структурам¹.

Как можно увидеть из делопроизводственных документов, контакты с органами власти по инициативе других инородческих групп проходили в основном в виде обращений представителей их общин по наиболее спорным и сложным вопросам. Вотяки, мешеряки и черемисы почти не встречаются в качестве индивидуальных истцов, но нередко выступают как ответчики в делах, возбужденных по долговым обязательствам и иным спорам².

Таким образом, государство создает условия для перенесения решения конфликтов в приказную или съезжую избу, где обычно находилась судебная канцелярия, в которой истцы и ответчики имели практически равные возможности для поиска справедливости. Для облегчения процесса коммуникации в ходе судебного процесса широко использовались услуги толмачей-переводчиков, знавших не только язык, но в той или иной степени представлявших условия жизни нерусских народов Российской империи. Думается, что благодаря этому многие татары Кунгура и его окрестностей обращались в судебные инстанции не только потому, что никак не могли решить спорного вопроса с представителями других сословных групп³, но и для выяснения отношений со своими соплеменниками⁴.

Несмотря на это, не все «иноземцы» даже из числа татарского населения стремились попасть в суд для выяснения конфликтных ситуаций. В документах часто встречаются упоминания о том, что некоторые ответчики из числа татар так и не доезжали до места осуществления правосудия, неоднократно ссылаясь на невозможность попасть в уездный центр из-за насущных хозяйственно-бытовых вопросов⁵. Посылавшиеся для ознакомления с сутью дела и обеспечения явки в суд рассыльщики судебной/воеводской канцелярии подчас сталкивались с практической невозможной задачей поиска ответчиков. Последние, избегая ответственности или просто не желая нести какие-либо судебно-процессуальные издержки⁶, просто переезжали из одного юрта в другой или скрывались в соседнем (чаще всего Уфимском) уезде⁷. Таким образом, решение по делу оказывалось вне

¹ РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 286–289; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 341–342.

² РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 603–603 об.

³ РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 220–220 об.; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 255–255 об.; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 421–421 об.

⁴ РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 236–236 об.; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 359–359 об. и др.

⁵ РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 576–576 об.; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 577–577 об.

⁶ См. например, ГАТюмО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 20. Л. 1 об.

⁷ РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 579–579 об.; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 598–598 об.

поля деятельности судебно-административных структур. Обращение в суд нередко становилось способом приструнить обидчика для более скорого решения спорного вопроса компромиссным путем. Ряд судебно-следственных дел заканчивались, так и не начавшись. Видимо, значимым и имевшим considerable воздействие на исход процесса здесь был сам акт апелляции к публичной власти как третейскому судье. Уже через несколько дней после составления челобитной стороны являлись в канцелярию, чтобы решить дело, не доводя до суда. Как правило, издержки на оплату работы подьячего, составлявшего как челобитную с жалобой, так и мировую, оплачивала сторона, наиболее заинтересованная в скорейшем завершении дела. Она признавала таким образом свою вину в произошедшем. Нередки случаи, когда все издержки оплачивались истцом и ответчиком по делу на равных. Данная практика завершения дел была характерна и для русского, и для «иноземного» населения региона¹.

Как было отмечено выше, в годы проведения второй административно-судебной реформы Петра Великого не было произведено специального законодательного или локального нормативного акта, который бы оговаривал особые судебные полномочия воевод или других администраторов относительно коренного населения как самых удаленных от центра, восточных, так и западных, находящихся в относительной близости от столицы, регионов страны. В условиях складывавшейся имперской системы управления законодатель почти не видел возможностей создания отдельных органов суда для какой-либо социальной группы, сделав на общероссийском уровне исключение только для городских сословий. Правда, какое-то время на особом положении находились присоединенные в ходе Северной войны территории (прибалтийские земли, включенные в состав Ингерманландской губернии). Особый статус также имели земли, включенные в состав Российского государства еще в годы русско-польской войны середины XVII в. (в 1722 г. управлявший территорией восточной Украины Малороссийский приказ был заменен Малороссийской коллегией с контрольно-ревизионными функциями) [16, с. 3, 16].

В связи с этим за годы Петровского правления не было создано специального суда, предназначенного для обеспечения нужд коренного населения некоторых территорий Российского государства. Перелом в политике властей приходится на период после смерти первого российского императора, когда начинается переосмысление политики, направленной на создание единого общеимперского пространства. Одной из попыток его сохранения становится практика санкционирования передачи части функций, связанных с первичным управлением аборигенным населением, от воевод и ясачных сборщиков в руки представителей коренной элиты [17, с. 181].

¹ РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 237–237 об.; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 256–256 об.; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 292–293; ГАТюмО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 17. Л. 11 об. и др.

В частности, именным указом от 27 июля 1728 г. Казанский губернатор лишился власти над Уфимской провинцией. Указ подтверждал действие выданных башкирам жалованных грамот и подчинял регион напрямую Сенату [6, с. 64]. На 1728 г. приходится и создание такого локального нормативного акта, как неоднократно анализировавшаяся в отечественной историографии инструкция графа С. Л. Владиславича-Рагузинского пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву, статьи которой предусматривали предоставление самостоятельности родовым властям Забайкалья [4, с. 105; 18; 19, с. 227–229]. В 1730-е гг. именными указами с повелениями местным властям предоставить (фактически – сохранить) особый порядок суда над местным населением становится гораздо больше, что было обусловлено активной политикой по присоединению степных территорий на юго-востоке страны [20, с. 363; 21, с. 164].

Произведенный анализ показывает, что уже в 1720-е – 1730-е гг. наиболее развитые «иноземные» общества оказались неплохо вписаны в административно-судебные структуры империи. Через органы суда они не только вели диалог с властью или пытались решить конфликтные ситуации с представителями других сословий, но и стремились добиться справедливости при возникновении споров внутри самого сообщества. Безусловно, значительная часть случаев межличностной конфронтации не доводилась до суда, разбиралась на уровне органов родового и общинного самоуправления¹. Такая система рассмотрения споров была характерна и для сельского населения русского происхождения.

Возможности использования пространства судебной канцелярии как средства решения сложных ситуаций, таким образом, имели ограниченный характер. Данное обстоятельство, тем не менее, позволяет нам говорить о подготовленности ряда этносословных групп к участию в общеимперских политических процессах. В ряде случаев способы воздействия как на нарушителей существующих правил общежития, так и на членов сообщества со стороны структур местного самоуправления оказывались настолько грубы и жестоки, что иноверцы сами предпочитали обращаться в коронные органы суда и администрации. Так, в поле зрения судебного комиссара или воеводы попадали не только уголовные правонарушения – жалобы на «неведомых воров», – но и дела по гражданским вопросам: долговые обязательства, случаи передачи наследства, договоры купли-продажи и многие другие. Для того чтобы сохранить стабильный интерес к региональным органам правосудия, представители коронной администрации были вынуждены использовать для решения судебных кейсов не только нормы имперского права, но и правовые обычаи местного населения. Кроме того, в первой трети XVIII в. рельефно проступает тенденция, в соответствии с которой государство стремится взять под жесткий контроль осуществление правосудия по всем наиболее опасным,

¹ См., например: РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 359 об.; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 386–386 об.

уголовным правонарушениям (в первую очередь – убийствам)¹, обязывая органы местного самоуправления сообщать обо всех преступниках².

Список литературы

1. Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. – М.: Издательство АН СССР, 1955. – Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII в. – Ч. 1: Вопросы русской колонизации Сибири XVI–XVII в. – С. 252–296.
2. Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. – М.: Издательство АН СССР, 1955. – Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII в. – Ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII в. – С. 153–175.
3. Конев А. Ю. Коренные народы северо-западной Сибири в административной системе Российской империи. (XVIII – начало XX вв.). – М.: Координационно-методический центр прикладной этнографии Института этнологии и антропологии РАН, 1995. – 217 с.
4. Дамешек Л. М. Буряты в административной системе империи (конец XVII – середина XIX вв.) // Вестник бурятского государственного университета. – 2012. – № 7. – С. 104 – 108.
5. Воропанов В. А. Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири. 1780–1869. – Челябинск: ЧИ УрАГС, 2005. – 314 с.
6. Воропанов В. А., Сабанцев, А. Н. Судебная власть в региональной политике Российской монархии в XV–XVIII вв. (На сравнительно-сопоставительном примере Олонецкой и Оренбургской губерний) // Социум и власть. – 2007. – № 3. – С. 61–71.
7. Зуев А. С. Адаптация Российским государством социальных и потестарных структур сибирских народов (конец XVI – XVII в.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. Материалы VII Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 6-8 июня 2011 г.). – Новосибирск: Нонпарель, 2011. – С. 3–13.
8. Игнаткин П. С. Соционим «иноземцы» применительно к народам Сибири в деловой письменности Московской Руси (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 92–94.
9. Конев А. Ю. Колониальный дискурс имперских классификаций: историки о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический прикладной журнал. Часть 1. – 2014. – № 6 (44). – С. 81–86.

¹ ГАТюмО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4274. Л. 2–4; ГАТюмО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 12. Л. 30–30 об.; ГАТюмО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 12. Л. 4–10 об.

² РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 239–243 об.

10. Бородина Е. В. Опыт имперского строительства в России: коммуникация русских и инородцев // Проблемы истории России. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. Сб. науч. тр. – Екатеринбург: НПМП «Волот», 2011. – С. 240–245.
11. Бородина Е. В. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. – 308 с.
12. Ядринцев М. Н. Сочинения. Т. 2: Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – Тюмень: изд-во Ю. Мандрики, 2000. – 334 с.
13. Якубовская О. А. Религия в повседневной жизни татарского сельского населения Урала в XVIII – начале XX в. // Горнозаводские люди и крестьяне России в XVIII – начале XX в.: Общественное сознание и быт. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. – С. 198–213.
14. Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в.: Русское население и земледельческое освоение. – Новосибирск: Наука, 1965. – 265 с.
15. Файзрахманов Г. Л. История татар Западной Сибири: с древнейших времен до начала XX века. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – 431 с.
16. Лазарев Я. А. «Великороссийская» администрация на Гетманской Украине в 1700-1727 гг.: эволюция институтов и их статуса. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: ИПЦ УрФУ, 2012.
17. Конев А. Ю. Народы Северо-Западной Сибири в XIX столетии: обычное право и имперское законодательство // Отечественная история. – 2004. – № 2. – С. 180–185.
18. Конев А. Ю. О роли и значении Инструкции пограничным дозорщикам 27 июня 1728 г. в правовом регулировании управления и суда «ясачных иноземцев» Сибири // Известия АлтГУ. – Сер. «История и право». – 2012. – № 4. С. 116–121.
19. Сибирь в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.
20. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. / Отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2009. – 403 с.
21. Памятники российского права. В 35 т. Т. 5: Памятники права 1725–1762 гг.: учебно-научное пособие / под общ. Ред. Докт. Юрид. Наук, проф. Р. Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 592 с.